

ТРИБУНА

О судьбе одной мифологемы комедии Чехова

Можно ли присвоить себе участок райского сада?

Светлана
Кайдаш-Лакшина

15 июля с. г. исполнилось 100 лет, как скончался А.П. Чехов. Днем на Новодевичьем кладбище у его могилы было много народу, отслужили замечательную панихиду при ярком солнце, и только когда все разошлись – хлынул дождь. А вечером в Музее Чехова на Садово-Кудринской состоялся вечер его памяти. И опять было много народу. Для меня этот вечер был тем более радостен, что коллеги расспрашивали меня о моем докладе на недавно состоявшейся конференции в Мелихове «Век после Чехова» со слишком лестными словами: «Как вам удалось совершить столь интересное открытие в чеховедении?» Приятно, не правда ли?

Вернувшись домой, я открыла «Независимую газету», вышедшую в этот день со статьей Олега Клинга «Вишневый сад как райский» в приложении «НГ-Ex libris», и поняла, что мое «открытие», как аттестовали – возможно, и незаслуженно – мою скромную работу, ушло от меня, словно вырвавшийся из рук воздушный шарик в ветреный день. Попробуй теперь слови его, что-то доказывая. Придется.

В сентябре прошлого, 2003 года я написала работу «Вишневый сад и «Вишневый сад» Чехова» (26 страниц) и отдала ее для готовящейся «Чеховианы», посвященной этой последней пьесе драматурга. Однако составитель ее сказал, что сборник уже лежит в издательстве, в нем нет места, и статью мою отослали в Таганрог для готовящегося там издания. Ни «Чеховиана», ни таганрогский сборник до сих пор не вышли, а я не знаю, сколько народу и кто прочитал тогда мою работу. Весной, после того как меня пригласили принять участие в конференции «Век после Чехова» и попросили прислать тезисы, я сделала их по статье, отосланной в Таганрог.

25–29 июня в Мелихове прошла Международная научная конференция. Участниками ее были и мы с Олегом

Где стережет нас ад или рай?

Сандро Боттичелли. Весна. 1470–1480

далековато. А в моих тезисах содержалась «летучая идея», прежде никогда не разбиравшаяся в чеховедении: я попыталась рассмотреть вишневый сад в пьесе Чехова как райский сад.

рай – это явление «мысленное», «духовное», «а рай, в котором был Адам, погиб». Василий Калика возражал, что новгородцы даже нашли «место святого рая» – и оно среди моря «Дышущего» – так звали

сад... мифологема райского сада. И еще ярче: «Если по-настоящему рай, то чеховский вишневый сад мифологема рая...» Но ведь это протворка: следует сослаться на то высказывание, которое он собираются помнить. А высказывание это неизбежно должно привести к моей статье и к моим тезисам, поскольку у меня высказано это впервые в чеховедении.

О.Клинг пишет, что герои пьесы «не возделывают» и не хранят свои алье «Едемские сады». Но ведь это я упрёкаю Аню, молодую хозяйку имения, что она «вместе с Варей могла бы отыскать и забытый способ, чтобы вишня доходила до нас, и спасти вишневый сад от гибели. Возродить родовое имение, сделать его еще краше». Тогда, по словам Фирса, «денег много было»...

О.Клинг утверждает, что «комедия Чехова можно рассматривать... как историю изгнания из рая». Вот цитаты из моих тезисов: «Вся Россия наш сад, райский сад, Эдем, откуда будут изгнаны отведавшие не тех плодов, недостойные сада и рая. Рай нельзя разделить на участки и сдавать в аренду». А финал пьесы я понимаю так: «Вишневый сад опустел и покинут: из рая изгнаны все».

О.Клинг предлагает «вернуться к мифологеме сада», чтобы отметить смысл его как «рая прошлого». Но ведь именно в этом состоит главный смысл моих тезисов: «С древности вишневый сад выступал мифологическим глубоким прошлым, часто даже не осознанного, хранителем его, мостом между ушедшими поколениями предков и настоящей жизнью».

С прошлым в пьесе не может справиться ни один персонаж – с ним примирен только Фирс, которого заколачивают живьем в доме, будто жертву приносят. Прошлое человечества – это всегда и сначала жизнь в раю, а потом изгнание из рая. Не трагедия, а потом фарс (по Марксу). И не смея расстаться человечество со своим прошлым, а в слезах сожаления о покинутом, о своей глупости и самоуверенности. Поэтому Чехов и назвал пьесу комедией: герои смеются и танцуют на собственных поминках под еврейский оркестр (третье действие) – четыре скрипки, флейта и контрабас.

Петя Трофимов, сын аптекаря, недоучившийся студент в «старых грязных калошах»,

много утонул в реке (видимо, по его недосмотру), он не постеснялся явиться сюда вновь, со своими поучениями и калошами.

Месть за прошлое осуществляет и Лопахин, купивший имение: он начинает вырубать вишневый сад, даже не дождавшись, пока дом покинут прежние владельцы. Лопахин распахал тысячу десятин, посеял мак и получил «сорок тысяч чистого». Но ведь это он Степь распахал, которая тоже является хранителем прошлого со своими курганами и просторами.

Чехов как великий писатель начал «Степью», кончил «Вишневым садом». В «Степи» Егорюшка катит на бричке мимо кладбища и видит за огра-

дологический крах человечества. Так Чехов думает о том, что поразило нас в XX веке. Что же касается мака, то тут можно вспомнить, кроме мифологии, стихотворение Бунина «Иерусалим» (1907): мак – это «кровь погибших в боях». Каждый год, как весна, красным маком восходит она». К «искуплению»-мести призывает Трофимов, мстит Лопахин.

На Руси всегда «кончали» с прошлым, мстили ему. Петр Первый даже посмел отметить патриаршество в мечтах о протестантстве, да Бог прибрал. Все это продолжается и доныне. Все «с каждой вишней» смотрят на нас, а мы бросаем ключи от хозяйства, наслушавшись очередных «не-

доучившихся», уходим от собственной жизни, «свободные как ветер», никого и ничего не любя, – ибо все мы, как Петя Трофимов, – «выше любви». В своих тезисах я упоминаю, как Варя бросает связку ключей – и уходит служить чужим людям. «Вспоминается апостол Петр, стоящий у ворот рая с ключами», – пишу я. У О.Клинга вместо Вари стоит Аня: «Ведь это еще и ключи от небес».

В общем, совпадения слишком много, чтобы воспринимать их как случайные.

Подробно разбирает О.Клинг эпитет «белый», который, по его словам, «связан со святостью». В своей статье я написала, что «у древних славян белый цвет признавался знаком принадлежности к потустороннему миру, символом смерти». Праздник бога Святюхы, образом которого считался белый конь, приходился в языческие времена на 25 декабря. К этому времени должны были распуститься за месяц поставленные в воду ветки вишневых деревьев. Если распустятся – год будет удачным, нет – придет несчастье. Так наши предки с помощью белых цветов вишен связывались с миром ушедших поколений, которые посылали им вести о будущем, предсказания.

А вот последнюю тысячу лет после Крещения Руси ветки, срезанные на вишневых деревьях точно в Екатеринбург день – 24 ноября по старому, – распустятся уже перед Рождеством Христовым (25 декабря по старому). Обычай этот существует и ныне.

Это тоже мое маленькое «открытие», но О.Клинг на него не посягнул. Спасибо.

А в общем, странное чувство недоумения остается после прочтения статьи Олега Клинга.

PS. Что же касается извечно повторяемых слов Бунина, что «вопреки Чехову никогда не было в России садов сплошь вишневых», то он ошибается: в южной России, Поволжье их было много. Вспомним строку Некрасова: «Как молоко облитые, стоят сады вишневые, тихохонько шумят».

Светлана Николаевна Кайдаш-Лакшина, член Союза писателей.

Вся Россия – наш сад, райский сад, Эдем, откуда будут изгнаны отведавшие не тех плодов, недостойные сада и рая. Рай нельзя разделить на участки и сдавать в аренду

Клинг. Тезисы к ней были выпущены заранее в 262-страничной книжке, где все участники были представлены по алфавиту, так что мои тезисы отделились от тезисов О.Клинга всего несколько страничек. Книжку с тезисами каждый участник конференции получил перед ее началом. Но с моими тезисами Олег Клинг мог познакомиться гораздо раньше, в процессе подготовки сборника, которая проходила на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (кстати, спасибо всем, кто взял на себя этот нелегкий труд!). Как следует из тезисов доклада Олега Клинга, он – преподаватель филологического факультета МГУ.

Доклад О.Клинга на конференции назывался так: «Дама с собачкой» Чехова: инвариантность текста через призму литературоведческих школ и направлений. (В диалоге со студентами-филологами). До «Вишневого сада»

Много лет занимаясь древнерусской литературой, я обратила внимание на то, что вишневые сады были в некоторых родах символом Древней Руси. В своей замечательной монографии «Вишневый сад. Жизнь во времени» (М., 2003) Э.А. Полоцкая приводит эту мою догадку: «Вишневый садом была вся Древняя Русь, сгоревшая в пожарах татаро-монгольского нашествия», – так расширяет автор рецензии судьбу Сада у Чехова» (с. 140). Автор – это я.

В древнерусской литературе было знаменито послание новгородского архиепископа Василия Калки (1331–1352) (так его прозвали за путешествие в Святую землю) тверскому епископу Феодору Доброму (1342–1360) о рае. В Европе воево бушевала чума – моровая язва, вскоре она пришла и на Русь (и от нее скончался автор послания), а русские люди спорили о рае: существует ли он на земле? Тверской епископ уверял, что

они Белое море и Ледовитый океан. Возможно, что из этого северного рая и слетели на северные русские избы изображения райских птиц – сиреней и алконостов с женскими головами. Ведь рай не есть вольница – живи, как хочешь, – там и запреты строгие были, и змей лукавый ползал.

Словом, я высказала предположение, что на Руси и монастырский и «всякий сад – это прообраз рая на земле». Само же понятие «сада» издавна связывалось с понятием «рай».

О.Клинг отсылает все эти рассуждения к С.С. Аверинцеву. Но это не он впервые указал на «связь слова «рай» с греческим словом «парадиз». Авестийский термин «пайри-диза» как образ рая проник в Европу через греков – через описания Ксенофонта. Вместо слова «авестийский», которое было в моих тезисах, О.Клинг употребляет слово «древнеиранский». В своей статье он пишет: «Чеховский